

«СЛОВА, СЛОВА, СЛОВА»

И.Н. Данилевский

Аннотация. В статье предлагается оригинальная классификация специальной терминологии, используемой в историографическом нарративе. Выделяются универсальные номенклатурные термины (заимствованные из смежных дисциплин), термины-определители (сформировавшиеся в историографической традиции), конкретные номенклатурные термины (заимствованные из исторических источников) и производные номенклатурные термины (образованные из конкретных номенклатурных терминов). Универсальные номенклатурные термины нуждаются в специальном определении, поскольку в разных дисциплинах-«донорах» имеют различное содержание. Термины-определители условны: ни один из них не претендует на безусловную точность. Конкретные номенклатурные термины представляют собой лексические заимствования, наделенные в историографической традиции значениями, которые далеко не всегда соответствуют смыслу, в которых они использовались в источниках. В производных номенклатурных терминах фиксируются и развиваются значения, приданные историками конкретным номенклатурным терминам. Анализ показывает, что любой из терминов, каково бы ни было его происхождение, может вызвать у читателя неверные ассоциации и/или неточное понимание того, что хотел сказать автор исторического труда. Поэтому историк всегда обязан уточнять, какое значение он вкладывает в каждый из них в данном конкретном случае.

Ключевые слова: терминология, классификация, историография, исторический источник.

Данилевский Игорь Николаевич, доктор исторических наук, профессор, профессор Факультета гуманитарных наук, Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики», 105066, Россия, г. Москва, Старая Басманная ул., 21/4, idanilevskiy@hse.ru.

“WORDS, WORDS, WORDS”

I.N. Danilevskiy

Abstract. The article proposes an original classification of the special terminology used in historiographic narrative. There are distinguished universal nomenclature terms (borrowed from related disciplines), qualifier terms (formed in the historiographic tradition), specific nomenclature terms (borrowed from historical sources) and derived nomenclature terms (formed from specific nomenclature terms). Universal nomenclature terms need a special definition, since in different disciplines they have different content. The qualifier terms are conditional: none of them claim to be unconditionally accurate. Specific nomenclature terms are lexical borrowings endowed in the historiographic tradition with meanings that do not always correspond to the meanings in which they were used in sources. In derived nomenclature terms, the meanings attributed by historians to specific nomenclature terms are fixed and developed. Analysis shows that any of the terms, whatever its origin, can cause the reader to misinterpret and / or to misunderstand what the author of the historical work wanted to say. Therefore, the historian is always obliged to clarify what meaning he attaches to each of them in this particular case.

Keywords: terminology, classification, historiography, historical source.

Многие полагают, что объектом изучения историков является историческая реальность как таковая. Однако на самом деле эта «реальность» — гипостазированные реконструкции прошлого, созданные самими исследователями. Эти реконструкции представляют собой вербализованные образы, основанные на текстах¹ исторических источников.

Собственно, историческое исследование начинается со структурирования, вычленения тех «элементарных» единиц ретроспективной информации, которые (по мнению описывающего) составляют исторический процесс как таковой, и описании их на принятом в современном ему сообществе историков языке.

Именно это имеет в виду Х. Уайт, когда пишет: «До того как историк будет в состоянии наложить на данные исторического поля концептуальный аппарат с целью их представления и объяснения, он вначале должен *префигурировать* [*prefigure*] это поле, то есть конституировать его как объект умственного восприятия. Этот поэтический акт неотличим от языкового акта, в котором поле подготавливается для интерпретации в качестве сферы особого типа. Это значит, что до того, как данная сфера может быть интерпретирована, она вначале должна быть сконструирована как местность, населенная отдельными фигурами. В свою очередь, фигуры должны быть классифицированы по особым порядкам, классам, родам и видам явлений.

...Проблема историка — в конструировании языкового протокола, выполненного в лексическом, грамматическом, синтаксическом и семантическом измерениях, и на основе этого — в характеристике поля и его элементов *в терминах самого историка* (а не в тех терминах, которые имеют место в самих документах) и тем самым в подготовке их к объяснению и репрезентации, которые исследователь последовательно предложит в своём повествовании». И далее: «документальная запись не создаёт сильного и ясного образа зафиксированных в ней событий. Поэтому, чтобы представить то, “что действительно случилось в прошлом”, историк сначала должен *префигурировать* [*prefigure*] как возможный объект знания весь набор событий, запечатленный в документах» [Уайт, 2002, с. 50–51; ср.: Whit, 1973, p. 30].

Это вполне тривиальное утверждение таит в себе множество подвохов. Далеко не все историки и далеко не всегда учитывали и учитывают коварство слов, которые они употребляют в своих трудах.

Серьезный интерес к проблеме корректности вербального описания исторических реалий, по существу, стал проявляться только в 1960-х гг., когда в зарубежной историографии появилось новое направление: история понятий, которое изначально рассматривалось в рамках интеллектуальной истории [подробнее: Лавджой, 2001; Lovejoy, 1936]. Тогда сформировались немецкая (*Begriffsgeschichte*) [напр.: Reichardt, 1998; Richter, 1995; *The Meaning of Historical Terms and Concepts*, 1996] и так называемая кембриджская [Покок, 2015а; Покок, 2015b] школы истории понятий. Первая из них объединила интеллектуальную историю с историей социальной.

¹ Под *текстами* здесь имеется в виду любое информационное сообщение, закодированное в одном из языков, в том числе невербальных.

Вторая сосредоточилась на взаимоотношениях конкретного текста и современного ему широкого контекста, занявшись реконструкцией исторического смысла речевых действий [Атнашев, Велижев, 2015, с. 27]. При этом основное внимание представителей обеих школ было обращено прежде всего на политическую лексику, с помощью которой описывались исторические процессы.

В последующие годы появился целый ряд трудов, авторы которых изучали историю формирования и эволюции понятий, а также связанных с ними терминов. Особое место среди них занимают работы Р. Козеллека [Koselleck, 1979; Козеллек, 2004; Козеллек, 2010].

Тем не менее, далеко не все национальные историографии с должным вниманием отнеслись к этим вопросам. Так, отмечал А. Про, «французские историки не всегда демонстрируют строгое употребление понятий, ибо их историографическая традиция не побуждает к этому... Стремясь избежать повторов и применения школярских правил изложения, французские историки иногда используют несколько слов для обозначения одной и той же реалии... Такая легкость достойна сожаления, но она допускается очень часто и не влечет за собой негативных последствий до тех пор, пока не приводит к нарушению структуры и целостности концептуальной сети» [Про, 2000, с. 138]. В значительной степени это было обусловлено – во всяком случае, вплоть до конца 1980-х гг. – пренебрежительным отношением французских коллег к «философствованию». Зато «более философичная германская традиция отличается в этом смысле, и нередко в Германии книга по истории начинается с главы, всецело посвященной обоснованию понятий, которые в дальнейшем будут использоваться автором [Schottler, 1985; Коска, 1984 – прим. Про]» [Про, 2000, с. 138].

Невнимание к лексике изложения долгое время было присуще и отечественной историографии. Лишь полвека тому назад проблема «эквивалентности» информации, которую историк обнаруживает в исторических источниках, и его собственных описаний реальности, которая скрывается за их текстами, стала предметом обсуждения в советской историографии. Правда, круг специалистов, занявшихся тогда подобными вопросами, был довольно узок.

Поводом для начала дискуссии послужил выход в свет знаменитой книги А.Я. Гуревича «Категории средневековой культуры» [Гуревич, 1972]. Именно тогда сорокалетний Л.М. Баткин усомнился в том, что, казалось бы, «всеисторические» (как он выразился) категории – *время, пространство, свобода, богатство* и т.п. – взяты именно из средневековой культуры, а не привнесены в нее исследователем из века двадцатого [Баткин, 1994, с. 8]. Тем самым была преодолена кажущаяся самоочевидность и вневременность терминов, которыми оперирует современный историк. А.Я. Гуревич согласился: когда он писал свою книгу, «модель мира человека второй половины XX в. витала в подсознании историка» [Гуревич, 1996, с. 84]. Между тем, совпадение лексики источника и метаязыка исторической науки, как подчеркнул Л.М. Баткин, могли ввести в заблуждение и автора «Категорий...», и читателей: ведь не исключено, что «похожие слова обозначали нечто иное, т.е.,

например, абстракции “пространство” в нашем (философском или научном) значении средневековые люди вовсе не знали». Из этого был сделан принципиально важный вывод: «Любой попытке реконструкции поэтому предшествует проблема перевода» [Баткин, 1994, с. 8]. Казалось, оставалось «только» найти соответствие им в лексике источника. Однако это оказалось не так просто.

После усиленных поисков А.Я. Гуревич, вроде бы, нашел соответствующие категории в текстах проповедей немецкого францисканца XIII в. Бертольда Регенсбургского. Однако исследователь ясно осознавал, что «мысли средневекового проповедника сконцентрированы в совершенно ином контексте, нежели тот, который строит современный исследователь», и «дискурсы монаха периода “междущарствия” в Германии, с одной стороны, и историка конца XX в. — с другой, совершенно различны, а потому и смысл употребляемых в разные эпохи понятий (“личность”, “богатство”, “призвание”, “время”) глубоко изменился». Все это с необходимостью ставило проблему перекодировки вопросов, которые историк задавал автору источника, «и посильного проникновения в смысл полученных из прошлого ответов» [Гуревич, 1996, с. 84–85].

Попытки «простого» решения этой проблемы путем замены современных терминов словами, которые встречаются в изучаемых источниках (понятиями, отысканными, говоря словами Л.М. Баткина, «внутри умственного состава изучаемой культуры»), оказались безуспешными. Найденные в источниках «эквиваленты» современных терминов тут же — совершенно неосознанно — подменялись категориями, продолжавшими доминировать в подсознании историка. Ярким примером такой подмены стали общие рассуждения А.Л. Юрганова о том, что современным понятиям «власть» и «собственность» якобы соответствуют древнерусские слова «пожаловал» и «благословил»: «Не владевший римским правом русский средневековый человек, тоже имел свои понятия о соотношении “власти” и “собственности”, но заключал их в другие слова, которые создавали вокруг себя свои лексико-семантические поля с мощными коннотативным включениями. Словами “пожаловал” и “благословил” решались главные проблемы юрисдикции Русского государства, отношения верховной власти и человека» [Юрганов, 1998, с. 23–27]. Собственно, к этому и свелись все «доказательства» тождества современных терминов и представлений древнерусских авторов. При этом историк шел не от понятийного аппарата автора источника, а от своей картины мира и ее составляющих, пытаясь найти им соответствие в изучаемых текстах, вчитывая в них собственные представления.

Одновременно с этим начали появляться работы, в которых более тщательно рассматривалась проблематика корректной передачи семантики отдельных лексем и словосочетаний древнерусских исторических источников в современных терминах исторической науки [Горский, 1986, с. 82–83; Юрганов, Данилевский, 1998; Данилевский, 1998; Данилевский, 2001].

В обобщенном виде эта проблема была сформулирована А.А. Горским в программной статье [Горский, 2014; Горский, 2018]. В ней, в частности, предлагалось отказаться при описании политических процессов, происходивших в Восточной

Европе в IX–XV вв. от терминов *племена (союзы племен), государство* (в частности, *государство Киевская Русь и Киевская Русь*), *княжества, уделы* (в том числе *удельные княжества*). В источниках они или не упоминаются вовсе, или употребляются в иных значениях, нежели это принято в современной историографии. А.А. Горский считает: «для описания эволюции территориально-политической структуры Средневековой Руси нет необходимости использовать искусственные термины и термины-анахронизмы (что создает путаницу и неизбежно вводит в заблуждение читателей)». Вместо них, по мнению автора, следует использовать термины *славинии* («с оговоркой, что это византийский термин»), *земли, волости и княжения*.

Действительно, слово *государство* впервые фиксируется в источниках только с 1431 г. [Словарь русского языка, 1977, с. 108], *удел* — с 1362 г. [Срезневский, 1912, стб. 1158], *княжество* (в значении «область, подвластная князю, княжество») — только в 1679 г. [Словарь русского языка, 1980, с. 205], а *племя*, хоть и присутствует в ранних текстах, значит вовсе не то, что называют *племенем* современные ученые.

Однако решение, которое предлагает А.А. Горский, вряд ли можно считать удовлетворительным. Во-первых, какие именно «славянские догосударственные общности» — этнические, политические, территориальные, торговые и т.д., и т.п. — имели в виду греческие авторы под словом *славинии*, неизвестно, как не установлено, все ли они употребляли это слово в одном и том же значении. Чтобы понять это, следует провести очень тонкое и сложное исследование, учитывающее все нюансы использования такой лексемы в оригинальных источниках, — и все равно подыскивать ему эквиваленты в современных терминах. Во-вторых, непонятно, на каком основании утверждается, что *земля* — это именно то, что мы называем *государством* (да еще и *независимым*): «Именно словом *земля* с тем или иным территориальным определением в Средневековье обозначали то, что ныне подразумевается под понятием “независимое государство”» [Горский, 2018, с. 10]. Такое заявление должно основываться, опять-таки, на тщательном изучении *всех* случаев упоминания этой лексемы в древнерусских источниках. Между тем, давно и хорошо известно, что, скажем, словосочетание *Русская земля* упоминается в них, по крайней мере в двух значениях («широком» и «узком»), ни одно из которых при ближайшем рассмотрении никак не связано с неким образованием, которое попадало бы под современные определения государства [Федотов, 1991, с. 96; Насонов, 1951, с. 42, 44, 46, 216–217; Рыбаков, 1993, с. 56–59; Кучкин, 1995, с. 90, 95–96; Ведюшкина, 1995, с. 110–111]. В-третьих, сами «термины», которые предлагает использовать А.А. Горский, в источниках вовсе не однозначны (что, впрочем, очевидно, поскольку ни один живой язык не терминологичен: едва ли не любое слово обладает в нем потенциалом многозначности, который реализуется в разных коммуникативных ситуациях и контекстах). Так, сам автор отмечает, что лексема *волость* в разное время могла обозначать разные реалии, сливаясь порой по значению с лексемой *земля* [Горский, 2018, с. 10–12]. К тому же, в-четвертых, выступая против использования «искусственных терминов и терминов-анахронизмов», А.А. Горский не учитывает, что те и другие различаются по своей сути и не могут быть «приведены к общему знаменателю».

Как представляется, терминологическая проблема современного историографического нарратива (как и ее возможное решение) должна быть сформулирована гораздо шире. Обратим внимание на некоторые сложные моменты, связанные с описанием исторических реалий в современных исследованиях по истории *древней Руси* (в данном случае речь идет о *периоде* с IX по XVI в.). Начнем с *обыденных слов*, которые составляют основной массив историографического нарратива. Уже они кроют в себе неявные оценки описываемых событий и личностей.

Чаще всего это не осознается ни авторами, ни читателями трудов по истории. Правда, время от времени ведутся дискуссии по поводу корректности использования тех или иных слов в исторических построениях. Так, недавно обсуждался вопрос: можно ли использовать метафору *иго* (слово, которое уже давно воспринимается большинством историков и читателей исторической литературы едва ли не как научный термин) для обозначения периода ордынского владычества на Руси [напр.: Рудаков, 2012a; Рудаков, 2012b; Рудаков, 2014].

Чаще, однако, ни у кого не вызывает сомнения, что, скажем, столкновение в устье Ижоры в 1240 г. следует называть *битвой*, тем самым ставя его — в представлении нынешнего читателя — в один ряд со Сталинградской или Курской битвами. Между тем, по определению, *битвой* современные военные называют *генеральное сражение*, широкомасштабные военные действия между двумя сторонами, находящимися в состоянии войны [Запорожченко, 1976, с. 479; Мозолев, 1997, с. 469]. *Сражением* же называют столкновение двух *армий*, которое происходит *на широком фронте* и состоит из *ряда отдельных боев*, связанных общим замыслом. По словам одного из крупнейших военных теоретиков начала XX в., «сражение — боевое столкновение значительных отрядов (масс войск), решающее участь целой операции или кампании» [Михневич, 1900, с. 329; ср.: Петренко, 1979, с. 502; Куц-Жарко, 1976, с. 545; Куц-Жарко, Лящук, Шубин, Рябов, 1997, с. 530].

Достаточно вспомнить завершение единственного дошедшего до нашего времени независимого рассказа об интересующем нас событии («Новгородец же ту паде: Костянтинь Луготиниць, Гюрята Пинещиниць, Намѣсть, Дрочило Нездыловъ сынъ кожевника, а всѣхъ 20 мужъ с ладожаны, или мне [т.е., менее. — И.Д.], богъ вѣсть» [ПСРЛ, 2000, с. 77]), чтобы понять, насколько корректно именовать его Невской *битвой*.

Другим характерным примером может быть продолжительная — и до сих пор не законченная — дискуссия, какое словосочетание следует использовать при описании того, что произошло в 1654 г.: *присоединение к...*, *воссоединение с...*, *объединение с...*, *вхождение в...*, или *политический союз* Левобережной Украины и Московского царства.

Однако чаще использование аксиологически и эмоционально нагруженной лексики не рефлексивируется автором исторического труда и его читателями, хотя и придает научному тексту ощутимый субъективный «привкус» — даже при отсутствии оценочных суждений, сформулированных в явном виде.

Еще бóльшие проблемы могут возникать (и возникают) при использовании мета-языка исторических исследований и обозначающих реалии изучаемого прошлого. Его основу составляют специальные термины.

При самом общем взгляде их можно разделить на четыре большие группы.

К первой относятся *универсальные номенклатурные термины*¹, *оформившиеся в смежных с историей социальных наук (философии, социологии, экономике, политологии, правоведении, культурологии), которые используются историками в значениях, принятых в рамках дисциплин-«доноров» (например, государство, класс, социальная группа, экономика, политика, этнос, феодализм и т. п.)*. Такие термины, как правило, входят в состав довольно жестко определенного понятийного аппарата, разработанного в рамках той или иной научной концепции. Некоторые из этих терминов имеют разные определения, принятые в соответствующей научной парадигме. Потому в конкретно-исторических исследованиях их использование требует обязательного уточнения: какое именно значение имеется в виду в данном случае. Упоминание любого из них подразумевает соответствующий терминологический «шлейф», о чем также не следует забывать. Именно эта особенность универсальных номинативных терминов заставляет, например, задаться вопросом: какое определение термина *государство* позволяло и позволяет историкам использовать его для обозначения того социального образования, которое в современной историографии принято называть Киевской или Древней Русью?

Вторая группа – *термины-определители*. Они формируются искусственно в рамках историографической традиции и служат условными обозначениями, с помощью которых историки конкретизируют реалии прошлого, обозначенные теми или иными универсальными номенклатурными терминами (например, *империя Карла Великого, империя Атиллы, Древнерусское государство* – оно же *Киевская или Древняя Русь, Первое Болгарское царство* и т.п.). Ни одному из терминов-определителей (возможно, за редким исключением) не соответствует ни одно понятие или, хотя бы, представление, присутствующее в изучаемых текстах исторических источников. Такая условность, как правило, осознается профессиональными исследователями (характерен, скажем, вопрос Ф. Броделя: «Империя Каролингов – а была ли она?» [Бродель, 1994, с. 102–105]). Спор о том, какой из этих терминов следует использовать для *правильного* описания того или иного явления прошлого, собственно научного значения не имеет, поскольку термины-определители конвенциональны и ни один из них не может быть единственно верным.

Третья группа представлена *конкретными номенклатурными терминами*.

Подавляющее большинство из них является лексическими заимствованиями из текстов исторических источников соответствующего времени (*феод, смерд, боярин, князь* и т.п.). При этом соответствующие слова, взятые из живого – а потому,

¹ *Номенклатурные термины* – совокупность специальных терминов-названий типичных объектов, включая отвлеченные понятия.

как уже говорилось, нетерминологичного по своей сути — литературного языка, в работах историков терминологизируются: им придается вполне конкретное — единственное — значение, которое закрепляется в той или иной историографической традиции. Определения этих значений чаще всего даются в универсальных номенклатурных терминах или соотносятся с ними. В этом заключается, на мой взгляд, довольно серьезная проблема: значение таких терминов невольно переносится историком на лексемы источника: таким путем в них «вчитываются» устоявшиеся в науке значения. При этом понимание текста может быть серьезно искажено. Особенно опасно такое «вчитывание», когда смыслы тех или иных слов источника (еще раз повторю: многозначных по своей сути) не вполне ясны из контекста.

Примером может служить традиционное отнесение *закупов* и *рядовичей* Русской Правды к двум «категориям зависимого населения» Древней Руси. Первые, якобы попадали в зависимость, взяв от хозяина-землевладельца *купу* (ссуду), а вторые — заключив с ним *ряд* (договор). Нетрудно заметить, что такое объяснение основано на этимологизации «терминов» Русской Правды. Подобный подход к выяснению содержания той или иной лексики вполне оправдано, когда речь идет о зарождении явления, обозначаемого ею. Однако в ходе бытования слова смыслы, которыми оно наделяется в живом языке, могут серьезно дополняться и изменяться, что хорошо известно специалистам в области исторической лексикологии. Смыслы, в которых употребляются упомянутые слова в источнике, могут существенно изменяться и варьировать. Возвращаясь к приведенным выше примерам, следует учесть, что в Русской Правде синонимом *закупа* выступает *наймит*, наемный работник: «Продасть ли господинъ закупа обель, то наймиту свобода во всѣхъ кунахъ» [Правда Русская, 1940, с. 111, 130, 156, 173, 194, 287, 308, 335, 355, 382, 430, 431] (ср.: «Продасть ли господинъ закупа обель, то закупу свобода въ всѣхъ кунахъ» [Правда Русская, 1940, с. 223–224, 254]). *Рядович* же никогда не упоминается в том же источнике, так сказать, «за сохой». Зато, судя по Слову Даниила Заточника, он занимается исполнением административных функций в княжеском (или боярском) хозяйстве: «Не имѣи собѣ двора близъ царева двора и не дрѣжи села близъ княжа села: тивунъ бо его аки огнь трепетицею накладенъ, и рядовичи его аки искры. Аще от огня устережешися, но от искоръ на можеши устеречися и сожденіа портъ» [Слово Даниила Заточника, 1932, с. 20–21]. Следовательно, говоря современным языком, *рядовича* можно назвать мелким служащим, помощником *тиуна* (управляющего).

В столь же серьезной корректировке нуждается и конкретный номенклатурный термин *боярин* (более раннее — *болярин*). Как и прочие термины такого типа, он заимствован из текстов исторических источников. Определения его в исторических словарях русского языка и в историографической традиции часто даются с помощью универсальных номенклатурных терминов: «знатнейшее *сословие* в государстве» [Даль, 1903, стб. 297], «феодал-землевладелец» [Словарь русского языка, 1975, с. 308], «член высшего *сословия* в феодальном обществе» [Словарь древнерусского языка, 1988, с. 300] и т.п. При этом некоторые универсальные термины детерминологизируются. Так, в приведенных примерах универсальный

номенклатурный термин *сословие* теряет свое исходное значение («группа лиц, чьи права закреплены законодательно»). Несколько реже для определения лексемы *боярин*, зафиксированной в источниках, используются другие конкретные номенклатурные термины (например, *вельможа* [Старославянский словарь, 1994, с. 99]), которые, в свою очередь, сами нуждаются в определении (ср.: «ВЕЛЬМОЖА... *Знатный человек, приближенный князя или царя*» [Словарь древнерусского языка, 1988, с. 390]; «ВЕЛЬМОЖА и ВЕЛЬМОЖЬ... *Знатный человек, вельможа*» [Словарь русского языка, 1975, с. 72]). Подобные дефиниции закрепляются в исторических словарях и энциклопедиях, а также в школьных учебниках – и оттуда уже благополучно перекочевывают не только в обыденные исторические представления, но и в специальную литературу. Между тем, кто такие *бо(л)яре*, упоминаемые в древнерусских источниках XI–XIII вв., до сих пор остается не вполне ясным.

Как правило, специальные исследования, посвященные анализу той социальной группы (или групп – учитывая нетерминологичность языка, на котором написаны исторические источники) древней Руси, которая (или которые) скрываются за лексемой *бояре*, начинаются с выяснения этимологии этого слова. При этом историки обращаются к профессиональным работам этимологов. Те, в свою очередь, предлагают довольно широкий спектр исходных «терминов», сформировавшихся преимущественно в тюркских языках (дунайско-болгарский *boila*; кокандский, башкирский, татарский, туркменский, азербайджанский *bajar* [Корш, 1902, с. 32–33], древнетюркский *baiär* [Трифонов, 1924; Малов, 1946; Фасмер, 1986, с. 203–204; Шаур, 1988, с. 115–121; Хелимский, 2000, с. 144–145], тюркские **bojlar > boylar > bolyar* [Славова, 2010, с. 29]).

Между тем, как уже отмечалось, этимология слова далеко не всегда проясняет смыслы, в которых используется заимствованное слово в языках-«реципиентах». Гораздо важнее установить, какой смысл (или смыслы) придавались ему в текстах, посредством которых оно проникло в тот или иной язык. Это замечание относится и к древнерусскому слову *боярин*. Оно, безусловно, попало на Русь посредством древнеболгарских (славянских) текстов, что существенно сужает круг поисков исходных смыслов интересующей нас лексемы.

Анализируя ранние болгарские источники, которые содержат соответствующие упоминания, Т. Славова сделала вполне обоснованный вывод, что «термин» *боляринъ* в ряде текстов (в том числе, переведенных с греческого, что дает возможность привлекать для сравнения исходную лексику) в к. IX–XI в. совпадал со словом *вельможа* в значении «властители, управляющие; знатные и влиятельные люди». В то же время исходные греческие лексемы, связанные с сенатом (синклитом) и его членами, переводились исключительно словом *боляринъ*. Это позволило Т. Славова заключить, что изучаемые ею болгарские «термины» не были полными синонимами как «в книжном пространстве», так и «в реальных общественно-публичных отношениях». *Вельможей* называли любого сановника, независимо от должности. *Боляринъ* же обозначал понятие более конкретное в социальном смысле: «представитель наиболее влиятельной и высокопоставленной группы лиц, непосредственно связанных с верховной властью и принимавших участие в совещаниях с правителем» [Славова, 2010, с. 39].

Выводы Т. Славовой в целом хорошо согласуются с наблюдениями П.С. Стефановича, посвятившего анализу интересующего нас слова и связанных с ним лексемам в ранних древнерусских источниках X–XI вв. специальное монографическое исследование [Стефанович, 2012].

При этом следует отметить, что отмеченное Т. Славовой различие в употреблении лексем *боляре* и *вельможи* сохранялось и в оригинальных древнерусских текстах. Такое совпадение/противопоставление могло бы существенно уточнить выводы П.С. Стефановича о той группе лиц, которые в древнерусских источниках обозначались словом *боярин*. Однако сравнения понятий *бо(л)ярин* и *вельможа* исследователь не проводил, а потому такое наблюдение нуждается в подтверждении или опровержении, что потребует анализа всего комплекса оригинальных текстов древней Руси X–XII вв. Во всяком случае, представляется спорным утверждение А.А. Горского, будто только «немногочисленные наиболее приближенные к князю бояре составляли княжеский совет» [Горский, 2014, с. 265].

Одним из важных выводов, к которым приходит П.С. Стефанович, является утверждение, что, вопреки устоявшемуся мнению, понятие *боляре* не было жестко связано с представлением о *дружине*. Мало того, само понятие *дружины* оказалось довольно расплывчатым и не связанным исключительно с вооруженным отрядом князя.

И здесь поиски глубоких этимологических корней вряд ли могут помочь в выяснении того, какой смысл (или смыслы) имело слово *дружина* в древнерусской книжности. Социальные образования, которые так назывались у разных народов и племен, могли выполнять различные функции. Мы, скорее всего, имеем дело не с аналогичными (имеющими разное происхождение, но выполняющими сходные функции), а с гомологичными (имеющими единое происхождение, но выполняющими в обществе различные функции) социальными явлениями. Поэтому гораздо важнее обратиться к текстам, посредством которых эта лексема проникла на Русь, — а то, что она является заимствованием, сомневаться не приходится.

В то же время, следует согласиться с выводом П.С. Стефановича, что «лексема [*дружина*] выступает собирательным понятием и не теряет древнее значение “путники, товарищи”, однако, это значение специфицируется (сужается), и в каких-то случаях можно даже говорить о появлении новых значений. По крайней мере, в летописании XI–XII вв. можно выделить ещё два значения: “войско” и “княжеское войско/княжеские люди”» [Стефанович, 2012, с. 260]. Все это объясняет близость древнерусских слов *бояринь* и *дружина*, что при понимании *дружины* исключительно как вооруженного отряда князя и привело к широко бытующему представлению, что *бояринь* — «член наиболее привилегированного слоя дружины» [Горский, 1989, с. 48], «верхнего слоя служилой знати» [Горский, 2014, с. 106], «старшей дружины» [Словарь русского языка, 1975, с. 309; Горский, 2006, с. 54], где под *дружиной* понимается именно княжеское войско. Однако понятия *дружина* и *боляре* в Древней Руси не отождествлялись. Не отождествляются с *дружиной* и *вои*. Очевидно и то, что понятие, скрывающееся за словом *боляре*, не совпадает полностью и, скорее всего, уже понятия, которое обозначалось лексемой *дружина*.

Как отмечает П. С. Стефанович: «в более узком значении “княжеское войско/княжеские люди” слово *дружина* не было “техническим термином” и не обозначало ни институт, ни какие-то структурно оформленные группы. Оно указывало лишь вообще на людей, связанных с князем или оказавшихся с ним в тот или иной момент, — то на всех вместе или на их большинство, а то на какие-то отдельные, каждый раз случайные, их части. Понять, какие конкретно люди имелись в виду в том или ином упоминании под “дружиной”, можно только по контексту этого упоминания, и в разных случаях это могут быть очень разные люди» [Стефанович, 2012, с. 261]. Древнерусского же *боярина* для X–XI вв. в самом общем приближении можно охарактеризовать как «представителя знати» [Стефанович, 2014, с. 85]. Как изначально назывались представители этой социальной страты у восточных славян в дописьменный период, мы, видимо, никогда не узнаем...

Мало того. Уже в XII в. лексема *бояре* в разных землях начинает использоваться древнерусскими книжниками в разных смыслах. Социальные группы, обозначаемые ею, различались составом, правами и функциями. Своеобразие «элит» древнерусских сообществ XII–XIII вв., обозначаемых в источниках одним и тем же словом *бояринь*, не может выводиться напрямую из характеристик *боярь* более раннего периода. И уж тем более, неверно рассматривать все эти социальные группы как гомогенные.

Так что, использование в историографических нарративах конкретных номенклатурных терминов (к чему призывает А. А. Горский) таит в себе не меньше опасностей, нежели употребление «искусственных терминов и терминов-анахронизмов». Напротив, присутствие их в трудах историков может вводить читателей в еще большее заблуждение. Тем не менее, они могут использоваться историками, но лишь при условии — как и при упоминании универсальных номенклатурных терминов — непрямого объяснения, какое значение присваивается им в данном исследовании.

Наконец, четвертую группу терминов составляют *производные номенклатурные термины*, которые образованы историками-исследователями искусственно из конкретных номенклатурных терминов. Они закрепляются в историографической традиции, хотя ни один из них не встречается в источниках (*дружинник*, *феодал*, *княжество* и т. п.). При этом в них закрепляются терминологические значения, «вчитанные» историками в рассмотренные лексические заимствования из текстов исторических источников. Использование производных номенклатурных терминов особенно проблематично, поскольку и сам исследователь, и его читатели чаще всего полагают, что это «родные» для данной эпохи слова. Ставши привычными, они, как правило, включаются в историографический нарратив без всяких оговорок, создавая иллюзию полного соответствия исторической реальности. Впоследствии некоторые из них заимствуются представителями смежных дисциплин, превращаясь в универсальные номенклатурные термины — как это, например, произошло с термином *племя*. Очевидно, они также нуждаются в определении, чтобы не ошибиться в значении, которое подразумевает использующий их историк.

Из всего сказанного следует вывод: нет «хороших» или «плохих» научных терминов. Все четыре типа терминов — и универсальные номенклатурные, и определители, и конкретные номенклатурные, и производные из них — использовались, используются и будут использоваться. И в этом нет ничего зазорного. Историк не всегда должен стремиться, да и далеко не всегда может заменять термины, принятые в современной ему историографии, лексемами, встречающимися в источниках. Любой из терминов, каково бы ни было его происхождение, может вызвать у читателя неверные ассоциации и/или неточное понимание того, что хотел сказать автор исторического труда. Поэтому при использовании всех перечисленных типов терминов историк обязан уточнять, какое значение он вкладывает в каждый из них в данном конкретном случае. Это позволит сделать существенный шаг к созданию максимально корректных научных реконструкций прошлого.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА.

Атнашев Т., Велижев М. «Context is King»: Джон Покок — историк политических языков (от составителей) // *Новое литературное обозрение*. 2015. № 134. С. 21–44.

Баткин Л.М. О том, как А.Я. Гуревич возделывал свой аллод // *Одиссей: Человек в истории*. 1994. Т. 1994. С. 5–28.

Бродель Ф. Что такое Франция? Кн. 2: Люди и вещи. Ч. 1: Численность народонаселения и ее колебания на протяжении веков. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1994. 244 с.

Ведюшкина И.В. «Русь» и «Русская земля» в Повести временных лет и летописных статьях второй трети XII–первой трети XIII в. // *Древнейшие государства Восточной Европы: Исследования и материалы. 1992–1993 г.* М.: Изд-во Наука, 1995. С. 101–116.

Горский А.А. Феодализация на Руси: основное содержание процесса // *Вопросы истории*. 1986. № 8. С. 74–88.

Горский А.А. «Бецисленя рати и великия труды...»: проблемы русской истории X–XV вв. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2018. 409 с.

Горский А.А. Древнерусская дружина. М.: Прометей, 1989. 120 с.

Горский А.А. Древнерусская дружинная терминология в свете международных связей Руси // *Русь на перехресті світів (міжнародні впливи на формування давньоруської держави) IX–XI ст. Матеріали міжнародного польового археологічного семінару (Чернігів–Шестовиця, 20–23 липня 2006 р.)*. Чернігів: «Сіверянська думка», 2006. С. 53–56.

Горский А.А. Дружина // *Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия* / Под общ. ред. Е.А. Мельниковой и В.Я. Петрухина. М.: Ладомир, 2014. С. 263–265.

Горский А.А. Политическое развитие Средневековой Руси: проблемы терминологии // *Средневековая Русь*. 2014. Вып. 11. С. 7–12.

Гуревич А.Я. «Территория историка» // *Одиссей: Человек в истории*. 1996. Т. 1996. С. 5–10.

- Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1972. 318 с.
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. Т. 1: А–З. 3-е изд., испр. и значит. доп. / Под ред. И.А. Бодуэна-де-Куртенэ. СПб.; М.: Т-во М.О. Вольф, 1903. 1744 стб.
- Данилевский И.Н. Древнерусская государственность и «народ Русь»: Возможности и пути корректного описания // *Ab Imperio*. 2001. № 3. С. 147–168.
- Данилевский И.Н. Русский социокультурный тезаурус // *Русский исторический журнал*. 1998. Т. 1. № 1. С. 117–127.
- Запороженко А.К. Битва // *Советская военная энциклопедия*: В 8 т. Т. 1: А–Бюро. М.: Воениздат, 1976. С. 479–480.
- Козеллек Р. К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий [переработанный доклад на конференции «Göttingener Gesprächs zur Geschichtswissenschaft» («Геттингенские беседы по исторической науке»), состоявшейся 01.07.1999 г.] // *История понятий, история дискурса, история метафор: Сб. статей* / Пер. с нем.; под ред. Х.Э. Бёдекера. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 21–33.
- Козеллек Р. Можем ли мы распоряжаться историей? (Из книги «Прошедшее будущее. К вопросу о семантике исторического времени») // *Отечественные записки*. 2004. № 5(20).
- Корш Ф.Е. Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве» (Заметки к исследованию П.М. Мелиоранского: Известия, т. 7, кн. 2, с. 273–302) // *Известия Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук*. Т. 8. Кн. 4. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1904. С. 1–58.
- Кучкин В.А. «Русская земля» по летописным данным XI–первой трети XIII в. // *Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования*. 1992–1993. М.: Изд-во Наука, 1995. С. 74–100.
- Куц-Жарко К.Л. БОЙ // *Советская военная энциклопедия*: В 8 т. Т. 1: А–Бюро. М.: Воениздат, 1976. С. 545–547.
- Куц-Жарко К.Л., Лящук Я.И., Шубин В.Н., Рябов В.П. БОЙ // *Военная энциклопедия*: В 8 т. Т. 1: А–Бюлов. М.: Военное издательство, 1997. С. 530–533.
- Лавджой А. Великая цепь бытия: История идей. М.: Дом интеллектуал, 2001. 372 с.
- Малов С.Е. Тюркизмы в языке «Слова о полку Игореве» // *Известия Академии наук СССР: Отделение литературы и языка*. 1946. Т. 5. Вып. 2. С. 129–139.
- Михневич Н.П. Сражение // *Энциклопедический словарь*: в 86 т. (82 т. и 4 доп.) / Изд.: Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. Т. 31: София–Статика. СПб.: Семеновская Типолиитография, 1900. С. 329.
- Мозолев В.Ф. Битва // *Военная энциклопедия*: В 8 т. Т. 1: А–Бюлов. М.: Военное издательство, 1997. С. 479–487.
- Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1951. 262 с.

Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. [2-е изд.]. М.: Яз. рус. культуры, 2000. 692 с.

Петренко В.Я. СРАЖЕНИЕ // *Советская военная энциклопедия: В 8 т. Т. 7: Радиоконтроль – Тачанка*. М.: Воениздат, 1979. С. 502–503.

Покок Дж. The State of the Art // *Новое литературное обозрение*. 2015а. № 4(134). С. 45–74.

Покок Дж. Квентин Скиннер: история политики и политика истории // *Новое литературное обозрение*. 2015б. № 4(134). С. 75–92.

Правда Русская / Под ред. Б.Д. Грекова. Т. 1: Тексты. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 505 с.

Про А. Двенадцать уроков по истории. М.: Изд. центр РГГУ, 2000. 333 с.

Рудаков В.Н. Концепция ордынского «ига» и отношения с Ордой в русском общественном сознании второй половины XIII–XVI веков // *Вестник МГИМО Университета*. 2012а. № 4. С. 24–32.

Рудаков В.Н. Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII–XV в. 3-е изд., испр. и доп. М.: Квадрига, 2017. 268 с.

Рудаков В.Н. Ордынское иго: термин, восприятие, реальность // *От текста к реальности. (Не)возможности исторических реконструкций*. Сб. стат. / Под ред. О.И. Тогоевой и И.Н. Данилевского. М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2012б. С. 121–144.

Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. 2-е изд., доп. М.: Наука, 1993. 565 с.

Славова Т. Владетел и администрация в ранносредновековна България: Филологически аспекти. София: ПАМ, 2010. 342 с.

Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Т. 1: (а – възаконатиса). М.: Рус. яз., 1988. 525 с.

Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1: (А–Б). М.: Наука, 1975. 371 с.

Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 2: (В – ВОЛОГА). М.: Наука, 1975. 319 с.

Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 4: (Г–Д). М.: Наука, 1977. 403 с.

Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 7: (К–КРАГУЯРЬ). М.: Наука, 1980. 403 с.

Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам / Подг. к печ. Н.Н. Зарубин. Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1932. 166 с.

Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 3: Р–Я и дополнения. СПб.: издание Отд-ния рус. яз. и словесности Императорской акад. наук, 1912. 513–1024 стб.

Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков): Около 10000 слов / Э. Благова, Р.М. Цейтлин, С. Геродес и др.; под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М.: Рус. яз., 1994. 843 с.

Стефанович П.С. Бояре, отроки, дружины: военно-политическая элита Руси в X–XI веках. М.: Индрик, 2012. 655 с.

Стефанович П.С. Боярин // *Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия* / Под общ. ред. Е.А. Мельниковой и В.Я. Петрухина. М.: Ладомир, 2014. С. 85–86.

Трифонов Ю. Към въпроса за старобългарското болярство // *СлБАН*. 1924. № 26(14). С. 158–168.

Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века / Пер. с англ. под ред. Е.Г. Трубиной и В.В. Харитоновой. Екатеринбург: Изд-во Ур. ун-та, 2002. 527 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 томах. Т. 1: (А–Д) / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева; под ред. и с предисл. Б.А. Ларина. 2-е изд., стереотип. М.: Прогресс, 1986. 573 с.

Федотов Г.П. Стихи духовные: Русская народная вера по духовным стихам. М.: УМСА-press, 1991. 151 с.

Хелимский Е. Язык(и) аваров: тунгусо-маньчжурский аспект // *Folia Orientalia*. 2000. Vol. 36: *Studia in honorem Stanislawi Stachowski Dicata*. С. 135–148.

Шаур В. За произхода на старобългарската дума болъринъ // *Palaeobulgarica*. 1988. № 1. С. 29–37.

Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. М.: Ин-т «Открытое о-во»: МИРОС, 1998. 447 с.

Юрганов А.Л., Данилевский И.Н. «Правда» и «вера» русского средневековья // *Одиссей. Человек в истории: Культурная история социального*. 1998. Т. 1997. С. 144–170.

Коска J. *Facing Total War: German Society, 1914–1918*. Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press, 1984. 276 p.

Koselleck R. *Vergangene Zukunft: zur Semantik geschichtlicher Zeiten*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1979. 388 p.

Lovejoy A.O. *The Great Chain of Being: A Study of the History of an Idea*. Cambridge, Mass.; Harvard University Press, 1936. 382 p.

Reichardt R. Historische Semantik zwischen Lexicometrie und New Cultural History // *Aufklärung und Historische Semantik. Interdisziplinäre Beiträge zur westeuropäischen Kulturgeschichte* / Hg. von R. Reichardt. (Zeitschrift für Historische Forschung, Beiheft 21). Berlin, 1998. S. 8–28.

Richter M. *The history of political and social concepts: a critical introduction*. Oxford: Oxford University Press. 1995. 204 p.

Schottler P. *Naissance des bourses du travail: Un appareil idéologique d'Etat à la fin du XIXe siècle*. Paris: PUF, 1985. 294 p.

The Meaning of Historical Terms and Concepts: New Studies on Begriffsgeschichte / Edit. by H. Lehmann and M. Richter (German Historical Institute. Occasional Paper. № 15). Washington, D.C., 1996. 70 p.

Whit H. *Metahistory: The Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe*. Baltimore; Londres, 1973. 445 p.

REFERENCES

- Atnashev T., Velizhev M. "Context is King": Dzhon Pokok – istorik politicheskikh yazykov (ot sostaviteley) ["Context is King": John Pocock – historian of political languages (from the compilers)], in *Novoye literaturnoye obozreniye*. 2015. № 134. Pp. 21–44 (in Russian).
- Batkin L.M. O tom, kak A.Ya. Gurevich vozdeleyval svoy allod [About how A.Ya. Gurevich cultivated his allod], in *Odissey: Chelovek v istorii*. 1994. T. 1994. Pp. 5–28 (in Russian).
- Brodel' F. *Chto takoye Frantsiya? Kn. 2: Lyudi i veshchi. Ch. 1: Chislennost' narodonaseleniya i yeye kolebaniya na protyazhenii vekov* [What is France? Book 2: People and Things. Part 1: Population size and its fluctuations over the centuries]. M.: Izd-vo im. Sabashnikovykh, 1994. 244 p. (in Russian).
- Vedyushkina I.B. "Rus'" i "Russkaya zemlya" v Povesti vremennykh let i letopisnykh stat'yakh vtoroy treti XII–pervoy treti XIII v. ["Rus'" and "Russian land" in the Tale of Bygone Years and chronicle articles of the second third of the XII–first third of the XIII century], in *Drevneyshiy gosudarstva Vostochnoy Yevropy: Issledovaniya i materialy. 1992–1993 g.* [The oldest states of Eastern Europe: Research and materials. 1992–1993]. M.: Izd-vo Nauka, 1995. Pp. 101–116 (in Russian).
- Gorskiy A.A. Feodalizatsiya na Rusi: osnovnoye soderzhaniye protsessa [Feudalization in Russia: the main content of the process], in *Voprosy istorii*. 1986. № 8. Pp. 74–88 (in Russian).
- Gorskiy A.A. "Beshchislenyya rati i velikiya trudy...": problemy russkoy istorii X–XV vv. ["Bourgeois ratios and great works ...": problems of Russian history in the X–XV centuries]. SPb.: Izd-vo Olega Abyshko, 2018. 409 p. (in Russian)/
- Gorskiy A.A. *Drevnerusskaya druzhina* [Old Russian squad]. M.: Prometey, 1989. 120 p. (in Russian)/
- Gorskiy A.A. Drevnerusskaya druzhinnaya terminologiya v svete mezhdunarodnykh svyazey Rusi [Old Russian druzhina terminology in the light of international relations of Russia], in *Rus' na perekrestí svítív (mízhnarodní vplivi na formuvannya davn'orus'koí derzhavi) IX–XI st. Materiáli mízhnarodnogo pol'ovogo arkheologíchnogo semínaru (Chernígív–Shestovitsya, 20–23 lipnya 2006 r.)* [Russia at the crossroads of sights (international influx into the form of an old Russian state) IX–XI century. Materials of the International Polish Archaeological Seminar (Chernigiv – Shestovytsya, 20–23 April 2006)]. Chernígív: "Sívryans'ka dumka", 2006. Pp. 53–56 (in Russian).
- Gorskiy A.A. Druzhina [Druzhina], in *Drevnyaya Rus' v srednevekovom mire: entsiklopediya* [Ancient Russia in the medieval world: an encyclopedia]. Pod obshch. red. Ye.A. Mel'nikovoy i V.YA. Petrukhina. M.: Ladomir, 2014. Pp. 263–265 (in Russian).
- Gorskiy A.A. Politicheskoye razvitiye Srednevekovoy Rusi: problemy terminologii [Political Development of Medieval Rus: Problems of Terminology], in *Srednevekovaya Rus'*. 2014. Vol. 11. Pp. 7–12 (in Russian).
- Gurevich A.Ya. "Territoriya istorika" ["Territory of the Historian"], in *Odissey: Chelovek v istorii*. 1996. T. 1996. Pp. 5–10 (in Russian).

Gurevich A.Ya. *Kategorii srednevekovoy kul'tury* [Categories of medieval culture]. M.: Iskusstvo, 1972. 318 p. (in Russian).

Dal' V.I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka Vladimira Dalya. T. 1: A-Z* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language by Vladimir Dahl. T. 1: A-Z]. 3-ye izd., ispr. i znachit. dop. / Pod red. I.A. Boduena-de-Kurtene. SPb.; M.: T-vo M.O. Vol'f, 1903. 1744 stb. (in Russian).

Danilevskiy I.N. Drevnerusskaya gosudarstvennost' i "narod Rus": Vozmozhnosti i puti korrektnogo opisaniya [Old Russian statehood and the "people of Russia": Possibilities and ways of correct description], in *Ab Imperio*. 2001. № 3. Pp. 147–168 (in Russian).

Danilevskiy I.N. Russkiy sotsiokul'turnyy tezaurus [Russian sociocultural thesaurus], in *Russkiy istoricheskiy zhurnal*. 1998. T. 1. № 1. Pp. 117–127 (in Russian).

Zaporozhchenko A.K. Bitva [Battle], in *Sovetskaya voyennaya entsiklopediya: V 8 t. T. 1: A-Buro* [Soviet military encyclopedia: In 8 volumes. Vol. 1: A-Bureau]. M.: Voenizdat, 1976. Pp. 479–480 (in Russian).

Kozellek R. K voprosu o temporal'nykh strukturakh v istoricheskom razvitiy ponyatiy [pererabotannyy doklad na konferentsii "Göttingener Gesprächs zur Geschichtswissenschaft" ("Göttingenskiye besedy po istoricheskoy nauke"), sostoyavsheysya 01.07.1999 g.] [On the issue of temporal structures in the historical development of concepts], in *Istoriya ponyatiy, istoriya diskursa, istoriya metafor: Sb. statey* [History of concepts, history of discourse, history of metaphors] / Per. s nem.; pod red. Kh.E. Bodekera. M.: Novoye literaturnoye obozreniye, 2010. Pp. 21–33 (in Russian).

Kozellek R. Mozhem li my rasporyazhat'sya istoriyey? (Iz knigi "Proshedsheye budushcheye. K voprosu o semantike istoricheskogo vremeni") [Can We Dispose of History? (From the book "The Past Future. On the Semantics of Historical Time")], in *Otechestvennyye zapiski*. 2004. № 5(20) (in Russian).

Korsh F.Ye. Turetskiye elementy v yazyke "Slova o polku Igoreve" (Zametki k issledovaniyu P.M. Melioranskogo: Izvestiya, t. 7, kn. 2, p. 273–302) [Turkish elements in the language "Words about Igor's regiment" (Notes to the research of P.M. Melioransky: Izvestia, vol. 7, book 2, pp. 273–302)], in *Izvestiya Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti imperatorskoy Akademii nauk*. T. 8. Kn. 4.SPb.: tip. Imp. Akad. nauk, 1904. Pp. 1–58 (in Russian).

Kuchkin V.A. "Russkaya zemlya" po letopisnym dannym XI–pervoy treti XIII v. ["Russian land" according to the chronicle data of the XI-first third of the XIII century], in *Drevneyshiy gosudarstva Vostochnoy Yevropy: Materialy i issledovaniya. 1992–1993* [The most ancient states of Eastern Europe: Materials and research. 1992–1993]. M.: Izd-vo Nauka, 1995. Pp. 74–100 (in Russian).

Kushch-Zharko K.L. BOY [FIGHT], in *Sovetskaya voyennaya entsiklopediya: V 8 t. T. 1: A-Buro* [Soviet military encyclopedia: In 8 volumes. Vol. 1: A-Bureau]. M.: Voenizdat, 1976. Pp. 545–547 (in Russian).

Kushch-Zharko K.L., Lyashchuk Ya.I., Shubin V.N., Ryabov V.P. BOY [FIGHT], in *Voyennaya entsiklopediya: V 8 t. T. 1: A-Byulov* [Military encyclopedia: In 8 volumes. Vol. 1: A-Bureau]. M.: Voennoye izdatel'stvo, 1997. Pp. 530–533 (in Russian).

Lavdzhoj A. *Velikaya tsep' bytiya: Istoriya idey* [The Great Chain of Being: A History of Ideas]. M.: Dom intellektual, 2001. 372 p. (in Russian).

Malov S.Ye. Tyurkizmy v yazyke "Slova o polku Igoreve" [Turkisms in the language "Words about Igor's regiment"], in *Izvestiya Akademii nauk SSSR: Otdeleniye literatury i yazyka*. 1946. T. 5. Vyp. 2. Pp. 129–139 (in Russian).

Mikhnevich N.P. Srazheniye [Battle], in *Entsiklopedicheskiy slovar': v 86 t. (82 t. i 4 dop.) T. 31: Sofiya–Statika* [Encyclopedic Dictionary: in 86 volumes (82 volumes and 4 additional). Vol. 31: Sophia–Static]. / Izd.: F.A. Brokgauz i I.A. Yefron. SPb.: Semenovskaya Tipolitografiya, 1900. Pp. 329 (in Russian).

Mozolev V.F. Bitva [Battle], in *Voyennaya entsiklopediya: V 8 t. T. 1: A–Byulov* [Military encyclopedia: In 8 volumes. Vol. 1: A–Bureau]. M.: Voennoye izdatel'stvo, 1997. Pp. 479–487 (in Russian).

Nasonov A.N. "Russkaya zemlya" i obrazovaniye territorii Drevnerusskogo gosudarstva ["Russian land" and the formation of the territory of the Old Russian state]. M.: Izd-vo Akad. Nauk SSSR, 1951. 262 p. (in Russian).

Polnoye sobraniye russkikh letopisey (PSRL). T. 3. Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshhego izvodov [Complete collection of Russian chronicles (PSRL). T. 3. The first Novgorod chronicle of the older and younger versions]. [2-ye izd.]. M.: Yaz. rus. kul'tury, 2000. 692 p. (in Russian).

Petrenko V.Ya. SRAZHENIY [BATTLE], in *Sovetskaya voyennaya entsiklopediya: V 8 t. T. 7: Radiokontrol'–Tachanka* [Soviet military encyclopedia: In 8 volumes. Vol. 7: Radio control–Tachanka]. M.: Voenizdat, 1979. Pp. 502–503 (in Russian).

Pokok Dzh. The State of the Art [The State of the Art], in *Novoye literaturnoye obozreniye*. 2015a. № 4(134). Pp. 45–74 (in Russian).

Pokok Dzh. Kventin Skinner: istoriya politiki i politika istorii [Quentin Skinner: the history of politics and the politics of history], in *Novoye literaturnoye obozreniye*. 2015b. № 4(134). Pp. 75–92 (in Russian).

Pravda Russkaya [Truth Russian] / Pod red. B.D. Grekova. T. 1: Teksty. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1940. 505 p. (in Russian).

Pro A. *Dvenadtsat' urokov po istorii* [Twelve lessons in history]. M.: Izd. tsentr RGGU, 2000. 333 p. (in Russian).

Rudakov V.N. Kontseptsiya ordynskogo "iga" i otnosheniya s Ordoy v russkom obshchestvennom soznanii vtoroy poloviny XIII–XVI vekov [The concept of the Horde "yoke" and relations with the Horde in the Russian public consciousness of the second half of the XIII–XVI centuries], in *Vestnik MGIMO Universiteta*. 2012a. № 4. Pp. 24–32 (in Russian).

Rudakov V.N. *Mongolo-tatary glazami drevnerusskikh knizhnikov serediny XIII–XV v.* [Mongol-Tatars through the eyes of ancient Russian scribes of the middle of the XIII–XV centuries] 3-ye izd., ispr. i dop. M.: Kvadruga, 2017. 268 p. (in Russian).

Rudakov V.N. Ordynskoye igo: termin, vospriyatiye, real'nost' [Horde yoke: term, perception, reality], in *Ot teksta k real'nosti. (Ne)vozmozhnosti istoricheskikh*

rekonstruktsiy. Sb. stat. [From text to reality. (In) the possibility of historical reconstruction] / Pod red. O.I. Togoyevoy i I.N. Danilevskogo. M.: In-t vseobshchey istorii RAN, 2012b. Pp. 121–144 (in Russian).

Rybakov B.A. *Kiyevskaya Rus' i ruskiye knyazhestva XII–XIII vv.* [Kievan Rus and the Russian principalities of the XII–XIII centuries]. 2-ye izd., dop. M.: Nauka, 1993. 565 p. (in Russian).

Slavova T. *Vladetel i administratsiya v rannosrednovkovna B'lgariya: Filologicheski aspekti* [Owner and Administration in the Early Middle Ages Bulgaria: Philological Aspects]. Sofiya: PAM, 2010. 342 p. (in Russian).

Slovar' drevnerusskogo yazyka XI–XIV vv. T. 1: (a–v"zakontisa) [Dictionary of the Old Russian language XI–XIV centuries. T. 1: (a–vzakontisa)]. M.: Rus. yaz., 1988. 525 p. (in Russian).

Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. Vyp. 1: (A–B) [Dictionary of the Russian language XI–XVII centuries. Issue 1: (A–B)]. M.: Nauka, 1975. 371 p. (in Russian).

Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. Vyp. 2: (V–VOLOGA) [Dictionary of the Russian language XI–XVII centuries. Issue 2: (B–VOLOGA)]. M.: Nauka, 1975. 319 p. (in Russian).

Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. Vyp. 4: (G–D) [Dictionary of the Russian language XI–XVII centuries. Issue 4: (G–D)]. M.: Nauka, 1977. 403 p. (in Russian).

Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. Vyp. 7: (K–KRAGUYAR) [Dictionary of the Russian language XI–XVII centuries. Issue 7: (K–KRAGUYAR)]. M.: Nauka, 1980. 403 p. (in Russian).

Slovo Daniila Zatochnika po redaktsiyam XII i XIII vv. i ikh peredelkam [The word of Daniel the Zatochnik according to the editions of the XII and XIII centuries. and their alterations] / Podg. k pech. N.N. Zarubin. L.: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1932. 166 p. (in Russian).

Sreznevskiy I.I. *Materialy dlya slovary drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam. T. 3: R–YA i dopolneniya* [Materials for the dictionary of the Old Russian language on written monuments. T. 3: P–Z and additions]. SPb.: izdaniye Otd-niya rus. yaz. i slovesnosti Imperatorskoy akad. nauk, 1912. 513–1024 stb. (in Russian).

Staroslavjanskiy slovar' (po rukopisyam X–XI vekov): Okolo 10000 slov [Old Slavonic dictionary (based on manuscripts of the X–XI centuries): About 10,000 words] / E. Blagova, R.M. Tseytlin, S. Gerodes i dr.; pod red. R.M. Tseytlin, R. Vecherki i E. Blagovoy. M.: Rus. yaz., 1994. 843 p. (in Russian).

Stefanovich P.S. *Boyare, otroki, druzhiny: voyenno-politicheskaya elita Rusi v X–XI vekakh* [Boyars, youths, squads: the military-political elite of Russia in the X–XI centuries]. M.: Indrik, 2012. 655 p. (in Russian).

Stefanovich P.S. Boyarin [Boyarin], in *Drevnyaya Rus' v srednevekovom mire: entsiklopediya* [Ancient Russia in the medieval world: an encyclopedia] / Pod obshch. red. Ye.A. Mel'nikovoy i V.YA. Petrukhina. M.: Ladomir, 2014. Pp. 85–86 (in Russian).

Trifonov Yu. K"m v"prosa za starob'lgarskoto bolyarstvo [By whom questioning for the old Bulgarian society], in *SpBAN*. 1924. № 26(14). Pp. 158–168 (in Russian).

- Uayt Kh. *Metaistoriya: Istoricheskoye voobrazheniye v Yevrope XIX veka* [Metahistory: Historical Imagination in 19th Century Europe] / Per. s angl. pod red. Ye.G. Trubiny i V.V. Kharitonova. Yekaterinburg: Izd-vo Ur. un-ta, 2002. 527 p. (in Russian).
- Fasmer M. *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka: V 4 tomakh. T. 1: (A–D)* [Etymological dictionary of the Russian language: In 4 volumes. T. 1: (A–D)] / Per. s nem. i dop. O.N. Trubacheva; pod red. i s predisl. B.A. Larina. 2-ye izd., stereotip. M.: Progress, 1986. 573 p. (in Russian).
- Fedotov G.P. *Stikhi dukhovnyye: Russkaya narodnaya vera po dukhovnym stikham* [Spiritual poetry: Russian folk faith based on spiritual poetry]. M.: YMCA-press, 1991. 151 p. (in Russian).
- Khelimskiy Ye. Yazik(i) avarov: tunguso-man'chzhurskiy aspekt [Yazik (s) Avars: Tungus-Manchu aspect], in *Folia Orientalia*. 2000. Vol. 36: Studia in honorem Stanislaw Stachowski Dicata. Pp. 135–148 (in Russian).
- Shaur V. Za proizkhoda na starob"lgarskata дума bol'brin" [For the origin of the Bol'brin Duma on the Starobulgarskata], in *Palaeobulgarica*. 1988. № 1. Pp. 29–37 (in Russian).
- Yurganov A.L. Kategorii russkoy srednevekovoy kul'tury [Categories of Russian medieval culture]. M.: In-t "Otkrytoye o-vo": MIROS, 1998. 447 p. (in Russian).
- Yurganov A.L., Danilevskiy I.N. "Pravda" i "vera" russkogo srednevekov'ya ["Truth" and "Faith" of the Russian Middle Ages], in *Odissey. Chelovek v istorii: Kul'turnaya istoriya sotsial'nogo*. 1998. T. 1997. Pp. 144–170 (in Russian).
- Kocka J. *Facing Total War: German Society, 1914–1918*. Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press, 1984. 276 p.
- Koselleck R. *Vergangene Zukunft: zur Semantik geschichtlicher Zeiten*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1979. 388 s. (in German).
- Lovejoy A.O. *The Great Chain of Being: A Study of the History of an Idea*. Cambridge, Mass.; Harvard University Press, 1936. 382 p.
- Reichardt R. Historische Semantik zwischen Lexicometrie und New Cultural History // *Aufklärung und Historische Semantik. Interdisziplinäre Beiträge zur westeuropäischen Kulturgeschichte* / Hg. von R. Reichardt. (Zeitschrift für Historische Forschung, Beiheft 21). Berlin, 1998. S. 8–28 (in German).
- Richter M. *The history of political and social concepts: a critical introduction*. Oxford: Oxford University Press. 1995. 204 p.
- Schottler P. *Naissance des bourses du travail: Un appareil idéologique d'Etat à la fin du XIXe siècle*. Paris: PUF, 1985. 294 p. (in German).
- The Meaning of Historical Terms and Concepts: New Studies on Begriffsgeschichte* / Edit. by H. Lehmann and M. Richter (German Historical Institute. Occasional Paper. № 15). Washington, D.C., 1996. 70 p.
- Whit H. *Metahistory: The Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe*. Baltimore; Londres, 1973. 445 p.